

ПАРОХОД уходил в Устья ранней ночью.

До тех пор, пока старик-матрос не втянул обратно на дебаркадер трап и не загорелся облезлой оглоблей проделанный в перилах проход, до тех пор Игорь не верил в эту посадку.

И вот теперь, когда пароход выдрогнул, и дебаркадер стал медленно отодвигаться, Игорь, наконец, понял: они все-таки едут и едут как-то по-глубокому — неожиданно, без должной подготовки, да еще втроем на два билета.

Дебаркадер отодвинулся уже метров на пять. Оставшийся на нем матрос что-то весело кричал капитану. Игорь понимал причину его радости — это был первый рейс в навигацию. Впереди старика ждало длинное-длинное лето, неровный шум огромного волжского порта, десятки набитых возбужденными пассажирами теплоходов, которые он будет вот так же отпирать и, как равным, кричать капитанам веселые слова напустивши. А это первый, самый первый рейс. Он короткий — только до Устья. Напротив Устья в Волгу впадает другая великая река, и из нее прет огромными глыбами коздреватый, неповоротливый лед — ниже плыть пока опасно.

Игорь вспомнил сегодняшний день — большой, суматошный — первый день длинного весеннего праздника. Вначале демонстрация. Под вечер пошли в гости — на плов к знакомым аспирантам-узбекам из соседнего общежития. Такой плов сибиряк Игорь ел впервые. То, что это нечто необыкновенное, можно было понять уже по лицу Асхата, с самого утра колдовавшего на кухне. Когда он поставил на край стола огромную кастрюлю, лицо его было одухотворенным, на нем лежала печать древней восточной серьезности — мужчина приготовил пищу мужчина, это дело нельзя доверить женщине, она не поймет смысла, величия, души плова, ведь она всего лишь женщина. Он снял крышку, и в комнате стихли разговоры. Ребята-аспиранты задумчиво смотрели на Асхата. Для них это был запах далекой родины: там сейчас персик величиной уже с грецкий орех, а хлопок начал сбрасывать цвет, там шумит сейчас колхозная

чайхана, и весело кричат, глядя на несущихся скакунов, люди...

Плов ели долго. Произносили тосты за автора, за землю, на которой родилось такое блюдо, поздравляли друг друга с праздником. Красный, наполненный нежным соком рис таял на языке, а остро поперченные кусочки баранины были, как звезды, впитавшие в себя далекий солнечный свет. Когда есть стало уже невозможно. Асхат загнул рукава и стал по очереди обносить блюдом гостей. Он собирал в шепот свои длинные смуглые пальцы, опускал их в плов, делал неуловимые движения, переворачивал руку, и на ладони оказывался огромный дымящийся конус. Его нужно съедать без помощи вилок, прямо ртом, такое обычай — хозяин оказывает тебе величайшее уважение, кормит из собственных рук. Наташка с ужасом смотрела, как этой процедуре подверглись Игорь и Ленька. Но зря она боялась — женщины было сделано снисхождение — конус оказался не таким высоким.

А потом пошли прогуляться по городу. Уже темнело. Ветер стих, начавшие распускаться тополя стояли тихо и торжественно.

Ленька шел молча, о чем-то думал. А когда собрался уже идти домой, он вдруг забежал в автомат, куда-то позвонил, высочил обратно и заорал:

— Быстро в троллейбус! Пароход через сорок минут!

Он, видите ли, внезапно захотел к своим старикам, он, видите ли, соскучился по домашним лепешкам. При этом он не хотел расставаться ни с любимой девушкой, ни с лучшим другом.

Переубедить его оказалось делом бесполезным. В конце концов, Наташка пожалала плечами и замолчала. А Игорь, как всегда, рассудительно подумал, что билетов они все равно не достанут, почему бы не полюбоваться вечерним портретом...

Билетов, действительно, не было. Но Ленька развил такую бешеную деятельность, что на него с завистью и подозрением стали поглядывать остальные безбилетники, на всякий случай стоявшие возле касс. Ленька быстрым, деловым шагом ходил по залам, открывал

двери с надписью «Посторонним вход воспрещен», вытаскивал какие-то удостоверения, шептался с дежурным...

Народу на пароходе было битком. Игорь с трудом пробрался ко входу в третий класс. Здесь, вблизи, было тихо и тепло. Пассажиры дремали, разговоры велись вполголоса. Ленька и Наташа сидели на лавке и, трогательно обнявшись, дремали.

Игорь устроился рядом и тоже заснул.

Когда он проснулся, было уже довольно светло. Иллюминаторы белели странным молочным светом. Наташи и Леньки рядом не было. Игорь поднялся наверх, вышел на палубу и понял, почему его удивил свет в иллюминаторе —

«для публики». Не спеша, ходил туда-сюда огромный шатун, крутилось маховое колесо, тускло сверкали медные части.

Оставшийся до Устья час они провели на верхней палубе. Туман разошелся, и правый берег был виден весь. Он медленно уходил назад. В центре старинных деревень, на самых высоких и видных местах стояли обглоданные церкви — огромные, мощные, со снятыми арестами.

УСТЬЕ гуляло. Это было заметно еще на пристани, где пароход встретили гармошкой, топотом пляски, веселыми криками. Устынцы целовались с приехавшими родственниками. Потом все потянулось наверх, старая, длинная лест-

ница скрипела под тяжелой медленной толпой.

Ленька привычно, с удовольствием, шагал вдоль главной улицы поселка. Она была вымощена некрупным булыжником, возле домов тянулись деревянные тротуары. В каждой встречной компании находились ленькины знакомые. Они радостно хлопали его по плечу, косились на Наташу, жали руку Игорю.

— К старикам значит?

— Молодец, студент!

— Заходите потом.

Ленькино настроение передавалось и Игорю — человеку сугубо городскому. Он приосанился, здоровался с удовольствием, улыбался...

ЗАВТРАКАЛИ в кухне.

Она была просторна и светла. За окнами начинал набирать цвет яблоневый сад. Крайние деревья скребли ветками по стеклам распахнутых окон.

— Наташенька, что же вы? Да кушайте, кушайте! Может, остыло, горячего добавить? А вы ребята, чего?

Наташа и Леньку он нашел у входа в машинное отделение. Они глядели на работающую машину. Ее верхняя часть была отгорожена лишь стеклом — видимо, специаль-

но для публики... Уезжали утром. Маленькая устынская пристань казалась смешной возле современного трехпалубного теплохода. Красиво прогудев, он медленно развернулся и стал набирать ход. Игорь увидел, как стоят на берегу Татьяна Игнатьевна, Митрофан Иванович, и у него защемило сердце.

О КОНЧИВ институт, Игорь обосновался в большом сибирском городе, работал на машиностроительном заводе, готовил кандидатскую диссертацию. Игорем его звали теперь два три человека, не больше, для остальных он был Игорь Олегович Корнилов — талантливый инженер, добросовестный работник. Теперь

уже никто бы не удивился, узнав, что Игорь Олегович считает себя человеком обстоятельным и солидным. Жениться он пока не собирался, одиночества своего особенно не ощущал — все заслояла работа. Старое, студенческое за эти годы вспоминалось не часто, институтские друзья изредка присылали открытки с праздничными поздравлениями. Поздравления эти Игоря не трогали, ибо он сам трижды в год покупал пачку точно таких же открыток и заполнял их, равнодушно листая блокнот с адресами. С каждым разом пачка становилась все тоньше...

Однажды в конце апреля он возвращался из очередной московской командировки. Промежуточный аэропорт не принял, и самолет сделал вынужденную посадку в том самом городе, где они учились. Предстояло пятичасовое ожидание. Игорь был недоволен и раздражен задержкой. Он нехотя пообедал в ресторане аэровокзала и от нечего делать пошел на троллейбусную остановку.

До центра было недалеко. Игорь сошел у оперного театра. Он пересек площадь и че-

рез сквер добрался до главной улицы. Здесь было так же шумно и нестро, как и в те годы. Игорь заглянул в несколько книжных магазинов, но ничего не подобрал. Он шел и уже с интересом смотрел на знакомые дома, вспоминал названия переулков.

Потом он на трамвае доехал до института. Поднимаясь по лестнице на свой третий этаж, впервые заволновался. В просторном коридоре, где располагались их факультет, было, как всегда, торжественно и тихо: портреты научных светилов в черных рамах, свежая первомайская стенгазета, натертый к празднику паркет. И, как всегда, эту торжественность нарушали несколько студентов. Они сидели на подоконнике возле сотой аудитории и смеялись. Их модные черные сумки стояли прямо на сверкающем полу, длина их праздничных юбок соответствовала самым последним требованиям, а умело подведенные глаза сверкали ожиданием сегодняшнего факультетского вечера.

Игорь зашел в «предбанник» — комнату перед деканатом. Здесь висел ящик с ячейками для почты. Он машинально перебирал письма из ячейки «к» — Калимуллину, Кострикову, Когану, Кузнецовой... Ба! Есть даже Корнилову, только Ивану Павловичу — студенту второго курса. Сколько раз Игорь стоял возле этого ящика? Сколько за пять лет было вынуто из ячейки «к» писем, переводов, записочек, телеграмм?!

И внезапно ему захотелось в общежитие, в свою 128-ю комнату с обтертой штукатуркой и вечно нематым полом. Времени оставалось не так уж много. Он взял такси.

Пришлось долго объяснять вахтерше, кто он и зачем ему нужно пройти в общежитие. Наконец, он оставил ей служебное удостоверение и победоносно вышел. 128-я была закрыта.

Он снова поймал такси и неожиданно для самого себя сказал водителю:

— Речной вокзал, потом — аэропорт. Быстро!

Тот пожал плечами и включил счетчик.

Было уже темно. Река свер-

кала отражениями праздничных огней — синих, зеленых, красных. От первого причала отходил колесник. Провожал его старик в матросской робе. Он махал рукой и весело орал капитану:

— Митрий Ива-аныч! С навигацией тебя! С праздником, Митяй-а! Счастлива-а-а!

— Отец, это не до Устья пошел? — пересохшим голосом спросил Игорь.

— До Устья, до Устья, до него самого! А ты что — опоздал?

«Опоздал... Опоздал...»

Игорь, не отрываясь, смотрел, как постепенно расширяется темная полоса между бортами дебаркадера и парохода — медленно, очень медленно — четверть, полметра, метр...

«А если прыгнуть! Прыгнуть — и все, не будут же останавливать из-за одного...»

Он весь как-то внутренне подобрался, напряжился, но тут же обмяк, махнул рукой, и пошел к ожидавшему такси. Вернувшись в аэропорт, он узнал, что рейс задерживается до утра.

В аэропортовой гостинице его поселили в двухместный номер. На второй койке уже лежал здоровенный, нечесаный парень и читал «Литературную газету».

Игорь сел на свою койку и долго смотрел в темноту окна. Там гремело, рычало, ревели — прогревались самолетные двигатели.

— А вот у нас, в Сызрани, понял, кафе так кафе! — внезапно сказал сосед. — Музыка играет, пиво всегда, я стилиг нет.

Он бросил «Литературку» на под, отвернулся от света и захрапел тяжелым пьяным храпом. Игорь машинально взглянул на брошенную газету — парень недочитал дискуссионную статью «Молодежное кафе. Каким ему быть?»

Игорю вдруг стало весело и легко. Он снял пиджак и достал из портфеля пачку бумаги. До самого рассвета он писал большие, взволнованные письма — Леньке с Наташей, Каримову, Асхату, Генке Королеву — всем.

Утром он растолкал соседа, и они пошли в ресторан завтракать.

Из репродуктора гремел марш — на Красной площади началась демонстрация.

Александр Лейфер навигация начинается в праздник

Рассказ